

В.И. Олешкевич

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИОЛОГИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье излагаются результаты исследований по социологии психоаналитического знания. Показывается ограниченность данного типа знаний культурными и социальными факторами и механизмами их формирования, а также значение социологии знания для изучения психологии в целом.

Ключевые слова: социология знания, психоанализ, эмансипация, диалог, сознание, психотехника.

В данной статье мы хотели представить опыт историко-психологического исследования, состоящий в том, чтобы подойти к историко-психологическому знанию с точки зрения социологии знания. Исследуя социальные механизмы формирования нового социального опыта с точки зрения социологии знания, мы задаемся вопросом о социальном происхождении, социальной функции и социальной структуре психологического (в частности психоаналитического) знания. Суть этого подхода можно свести к следующим положениям: 1) всякое знание является актом или результатом работы определенного сознания; 2) всякое сознание и знание ориентировано на другое сознание, т.е. оно формируется в ситуации напряженного социального диалога; 3) всякое сознание формируется внутри определенной социальной структуры и впоследствии удерживает ее в себе. В нашей социологии этот подход связан с именем М.М. Бахтина и применен им по отношению к исследованию языка и культуры. Данный подход в некоторых отношениях близок к социологии М. Вебера (Weber, 1956 и др.), а также активно обсуждается в современной методологии науки, философии и непосредственно в истории психологии (Мокшицкий, 1991; Лоренцер, 1996; Шерток, Соссюр, 1991). С этой точки зрения в данном исследовании мы пытаемся реконструировать

социальную историю психоанализа и благодаря этому восстановить те социально-диалогические смыслы, которые несет в себе психоаналитическое знание и сознание. Соответствующий социологический и социально-психологический подход применяется и к анализу культуры, внутри которой развивалось психоаналитическое знание и сознание. Основываясь на анализе диалогических форм развития психоанализа, мы получаем возможность точного социологического и социально-психологического понимания исторических условий и форм развития психоаналитического сознания и вообще развития новых форм самосознания европейского человека в двадцатом веке.

Действительно, сознание индивида формируется той социальной средой, внутри которой происходит его развитие. Эта социальная среда дает индивиду язык, слова, изначально соединенные с оценками и значениями, которые формируют его мышление, она же контролирует словесные реакции и словесную активность индивида на протяжении всей его жизни. С социально-психологической точки зрения всякая мотивировка поступка, всякое сознание себя является процессом подведения самого себя под некоторую определенную социальную норму и социальную оценку. И в этом смысле самосознание

представляет собой всегда некоторое «обобщение» себя самого и своего поступка (Волошинов*, 1993а).

Осознавая себя, индивид пытается взглянуть на себя глазами другого человека, представителя его социальной группы. Таким образом, процесс самосознания предполагает образ другого человека и некоторую идентификацию с этим образом и его ценностями. Но за образом другого всегда обычно стоят некоторые социальные, групповые интересы и ценности. В этом отношении самосознание индивида интроецирует некоторое групповое сознание, определенное социальное отношение. Таким образом, в конечном счете всякое самосознание — это в своей основе социальное или групповое самосознание. Изменение и развитие индивидуального сознания идет вместе с изменением и развитием социальных структур той общности или того общества, к которому принадлежит индивид.

По отношению к традиционным обществам такая социология сознания была относительно простой. Индивид имел в основном одну социальную группу, где происходил его рост и развитие. Но с усложнением социального опыта ранее единый континуум самосознания начинает разрушаться, и самосознание распадается на элементы. Ранее единая система ценностей разлагается, вместо единого образа другого в самосознании возникает много образов других, процессы самосознания формирует сложная внутренняя

коммуникация неоднородного характера. В различных социальных группах индивид получает разный социальный опыт и по-разному осознает себя. Появляется феномен разнородного социального опыта и соответствующего конфликта на уровне самосознания. Во время переходов по различным нормативным структурам разнородного социального опыта происходит одновременно и формирование нового сознания (Щедровицкий, 1993). Например, одним из условий формирования психоанализа стал контакт австрийской и французской ментальностей во время пребывания З. Фрейда во Франции (Олешкевич, 1997).

Но прежде всего формирование нового сознания в Европе происходит в условиях резкого разрыва между непосредственным, феноменальным сознанием и рационально опосредованным сознанием. Особенно остро такой разрыв стал ощутим в конце XIX — начале XX века в Вене. На том языке, который предоставляла официальная идеология, уже трудно было о чем-то говорить, что-то осознавать, опираясь на него. Появляется феномен экзистенциальной дезориентации, потери важных, значимых жизненных ориентиров человека. И вот когда «костыли цивилизации» начинают давать сбой, когда машина цивилизации срывается вхолостую, появляется возможность осознать механизм ее функционирования, а индивид, выпадающий из этой машины, имеет возможность увидеть себя во всей непосредственности (Мамардашвили, 1992). Это и происходит с Фрейдом. Так рождается психоанализ, как новый способ осознания новой формы существования человека в мире, как новая идеология, возникающая взамен разрушенных, как новая

---

* Работы М.М. Бахтина «Фрейдизм. Критический очерк» (Л., 1927) и «Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке» (Л., 1929) были изданы под именем его друга В.Н. Волошинова (ред.).

психотехническая культура, направленная на воспроизводство и развитие индивида в кризисной ситуации культуры (Олешкевич, 1997).

Поскольку официальное сознание с его идеологически обоснованной цензурой систематически подавляло многие непосредственные жизненно важные ощущения, резко ограничивая возможность их выражения и осознания, то формируется такая ситуация, в которой человек вынужден, например, думать на своем неофициальном языке, а выражать результат этого думания на языке официальном. Таким путем складываются многообразные формы опосредованного самовыражения и замещения непосредственного опыта, которые Фрейд назвал позже защитными механизмами. Это защитные механизмы самосознания, которые формируются в той социальной ситуации, когда индивид вынужден вести двойное существование, например, думать одно, а говорить — другое, поскольку не существует соответствующих социальных форм самовыражения.

Итак, основной конфликт, который разыгрывается в индивидуальном сознании пациентов И. Брейера и З. Фрейда — это, по сути дела, социальный и культурный конфликт официального и феноменального сознания. Официальное сознание уже не соответствует содержанию индивидуального сознания, оно все более формализуется и саморазрушается изнутри. Слишком жесткая и ригидная цензура этого сознания ограничивает область возможностей осознания. И за границами этой цензуры образуется бессознательное — та область внутренних мотивов и внутренней речи, где они не могут свободно переходить во внешнюю речь. И чем шире этот

разрыв между официальным и неофициальным сознанием, тем труднее внутренней речи перейти во внешнюю. Такая ситуация как раз и была в Австрии, точнее, это общее состояние европейского сознания наиболее остро проявилось в Вене. И вот в такой ситуации неофициальные внутренние мотивы теряют свое словесное оформление и превращаются в инородное тело (Волошинов, 1993б). Тогда целые группы органических проявлений человека могут оказаться выключенными из пределов вербального поведения и станут асоциальными. Так расширяется сфера асоциального в человеке, «животного» в нем (Волошинов, 1993б). Таким образом, исследуя непосредственные социальные условия, инициирующие становление психоанализа (социальная структура общественного сознания Вены времен Фрейда; формализация и ложность официального сознания в это время; социология Австро-Венгерской империи и др.), мы пытаемся показать, что психоанализ развивается как социальная реакция на эти условия и является репликой сложного социального диалога в этой ситуации (Олешкевич, 1997).

Можно выделить и другие условия формирования психоаналитического знания. Так, известно, что во время терапевтических бесед пациентка Брейера забывала родной язык и объяснялась на английском. И может быть символическим тот факт, что первые интимные признания были сделаны на иностранном языке, т.е. в состоянии, в некоторой мере отчужденном от непосредственного самосознания. В этом можно увидеть *социальный и культурный способ самоотстранения и саморефлексии*. Чужой язык и рассказ, ведущийся на нем,

дает возможность некоторой отстраненности, позволяет говорить о своем как о чужом (как и трансовые состояния, взгляд изнутри французской ментальности на австрийскую, научный язык; именно поэтому Фрейд сразу переходит к формированию такого языка). Одним из условий становления психоанализа является также межкультурная коммуникация австрийского и французского сознательного опыта. Культурные формы и позиции для самовыражения благодаря развивающимся межкультурным связям становятся к этому времени все более аналитическими, а поэтому и все более приближаются к индивидуальному самосознанию (Олешкевич, 1997). Таким образом формируется *сложное коммуникативное сознание, многофункциональный диалог*, внутри которого и формируются новые знания о человеке.

Обнаруживаются также и ряд других условий и предпосылок возникновения психоанализа. Так, психоанализ не случайно зарождается в еврейской среде, являясь в этом смысле реакцией эмансипации этнических меньшинств в ответ на репрессивное официальное венское сознание. Другое условие возникновения психоанализа — феномен женской социальной эмансипации, выступающий индикатором более широкой культурной интенции к цельности европейского сознания. В этом смысле не случайно зарождение и становление психоанализа как психотерапии, в нем смыкается медицинская ценность исцеления и общекультурная ценность европейского человека — стремление к цельности души (сознания). На пути к цельности сознания и рождается новая психотехническая культура. Изучая психоаналитическое

движение как социальное движение, с точки зрения социологии борьбы научных парадигм, а также как квазиполитическое движение, мы можем сделать вывод о том, что психоанализ как явление новой психотехнической культуры формируется в своей основе как контр-культура (Олешкевич, 1997).

Одним из условий формирования нового самосознания в психоанализе стала идея (она особенно способствовала формированию напряженных отношений между феноменальным и официальным сознанием) времени в европейской культуре (характерно ее отличие от соответствующей идеи в восточных культурах). Пока были актуальны христианские ценности и срабатывали соответствующие психотехнические культуры, эта идея была достаточно эффективной. Но после разрушения этих психотехнических систем обнаруживается характерная связь идеи времени жизни и формирования невротических состояний европейского сознания (Олешкевич, 1997). Для человека конца XIX — начала XX вв. уже не осталось четких, непоколебимых и неизблемых заповедей, которые были достоверны для Средних веков, и поэтому не осталось четких критериев различения добра и зла. Вместо безусловных законов Бога появляется условная человеческая мораль. Нормативные вопросы оказались совершенно запутанными также и потому, что для новоевропейского человека Бога, этого абсолютного и всепроникающего наблюдателя, уже не существовало. Психотехника, построенная на диалоге с Богом, замещается психотехникой, построенной на диалоге с человеком, но наедине с собой легко формировать оправдательные приговоры самому себе, а вследствие этого и ложное

сознание. Образованное в таких условиях сознание оказалось очень запутанным. И вполне закономерно, что в ответ на это состояние *запутанного* сознания появляется психоанализ — соответствующая этому сознанию психотехника и идеология. Таким образом, на материале исследования истории психоанализа мы видим, что психотехнические формы в истории соответствуют определенным формам сознания людей.

Поскольку такое состояние сознания, состояние внутреннего разрыва было характерно в Австрии для больших социальных групп, то развивается соответствующая *социальная реакция*, культурная активность, частным явлением которой стал психоанализ. Эта социальная реакция проявляет отчетливые признаки появления нового самосознания в европейской культуре. Таким образом, все эти условия инициировали новое мощное движение за освобождение человеческой личности, стали толчком для формирования нового самосознания и новой идеи человека.

Несмотря на то, что психоанализ оказал огромное влияние на европейскую культуру, стал порождающей структурой для многих видов психотерапии (как психотехника, стратегически ориентированная на осознание неосознанного) и направлений психологии, все же как культурно-историческое явление он имеет свои границы, в том числе и границы истинности. И задача социологии психологического знания состоит в том, чтобы через определение социальных детерминант образования знания задать его границы, а благодаря этому открыть возможности для построения новых опытов получения знания.

Выше мы пытались коротко описать свои исследования социологии психоаналитического знания. Отсюда мы можем сделать следующие выводы:

- психоанализ возникает внутри определенного сознания (внутри социальных мотивов определенной социальной и культурной группы) в специфических социальных и культурных условиях;

- в процессе своего развития психоанализ был ориентирован на диалог и борьбу с определенным родам формализованным и закосневшим рациональным сознанием и этот специфический диалог и полемическую ориентацию психоанализ удерживает и в последующей своей структуре;

- психоанализ развивается внутри определенного опыта социальной и культурной группы и содержит в себе структуру этого опыта, а затем переносит этот частный опыт на все другие объекты исследования, что является характерным для развития науки.

Например, наши исследования показывают, что личная история З. Фрейда, структура его семьи, его собственное положение в семье, этническая память его семьи, условия воспитания детей в еврейских семьях среднего класса, женская эмансипация и особое отношение к Фрейду его матери — именно эта совокупность социальных и культурных условий определили формирование Фрейдом его теории эдипова комплекса. То есть эта теория является проекцией Фрейдом своего непосредственного опыта развития. И она действительно была истинной для определенного рода социальных групп. Но если психология является культурно-исторической дисциплиной, то насколько истинно переносить это знание на все историческое человечество?

Так, уже у А. Адлера был другой социальный и культурный опыт, и он резко возражает против идеи эдипова комплекса как нормального этапа развития ребенка. Адлер утверждает, что такого рода проблемы возникают у избалованного ребенка. И, вероятно, появление социальных условий для развития такого ребенка и произвело в европейской культуре условия для формирования соответствующих комплексов. У него появляется другая теория, и она тоже верна для определенного вида опыта и для определенной социальной ситуации развития. Позже и дочь З. Фрейда Анна Фрейд обратила внимание, что в многодетных и малообеспеченных семьях эдиповы проблемы практически не возникают (Бурлакова, Олешкевич, 2005).

А это значит, что, прежде всего, социальная ситуация развития формирует психологию людей, которые создают психологические теории, и по этой причине опыт каждой психологической концепции ограничен. И задача социологии психологического знания

состоит в том, чтобы описать и объяснить особенности этих ограничений.

Литература

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ. Школа А. Фрейда. М., 2005.

Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993 а.

Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Фрейдизм. М., 1993 б.

Лоренцер А. Археология психоанализа: Интимность и социальные страдания. М., 1996.

Мамардашвили М.К. Вена на заре XX века // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 388–403.

Мокшицкий Э. Между эпистемологией и социологией знания // Социо-Логос. М., 1991. С. 109–124.

Олешкевич В.И. Рождение новой психотехнической культуры. М., 1997.

Шертюк Л., Соссюр Р. де. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991.

Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С. 16–201.

Weber M. Die Protestantische Ethik und der Geisist des Kapitalismus. Munchen; Hamburg, 1956.